

К НЕКОТОРЫМ ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1980–1990 ГГ.)

В период перестройки и вслед за ним распада СССР историческая наука получает новые возможности своего развития, так как многие вопросы истории подверглись изучению и переосмыслению с точки зрения новых подходов. Это касается в первую очередь вопросов колонизации, что связано, прежде всего, с тем, что в советское время ряд аспектов исторических вопросов рассматривался только с позиции догматической идеологии. На сегодняшний день есть все условия для объективного изучения исторических процессов, происходивших в Сибири. Большое внимание уделяли им российские авторы в 1980–1990 гг. По обзору ключевых работ возможно представить общую картину исторической мысли данного периода.

Интерес российских исследователей к истории Сибирского ханства обусловлен рядом причин: 1) переосмысление концепций дореволюционного и советского периодов в условиях постколониального развития суверенных стран; 2) обоснование российскими историками колониальной политики как реакции на ее критику; 3) поиск новых источников по истории Сибирского ханства (преимущественно мусульманских); 4) дальнейшее изучением частных аспектов из истории Сибирского ханства; 5) возможность применения новых научных подходов и методов.

Ведущая роль в изучении Сибирского ханства принадлежит российским историкам, которые продолжили и развили традиции, сложившиеся в советском сибреведении, особенно научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Урала и в Сибири. В этих исследованиях пристальное внимание уделяется выявлению новых источников по истории Сибирского ханства, имеющих потенциал для проведения объективного анализа. Получает развитие исследование по эвристике и кодикологии мусульманских рукописей, обнаруженных в Западной Сибири. Возникает научное направление по изучению проблем проникновения и распространения ислама в Сибирском ханстве.

Одной из обстоятельных работ, посвященных завоеванию Сибири, является статья российского историка А.С. Зуева, где он рассматривает характер присоединения Сибири к России (под присоединением автор подразумевает в том числе и завоевание. – М.К.) [1]. Он отмечал, что вопрос этот очень политизирован, и оценка данного события менялась вслед за изменением политической конъюнктуры, как, например, в советское время.

Автор пишет, что история присоединения Сибири в советской литературе, «являясь не плодом научных исследований, а продуктом советской идеологии, концепция «преимущественно мирного присоединения» Сибири опиралась не на факты, а на заданные идеологические установки. И, естественно, как только эти установки стали рушиться, трещину дала и сама концепция». Ю.С. Зуев посетовал на то, что современные историки с большой осторожностью относятся к данной проблеме, опасаясь, что ее обсуждение вызовет обострение межнациональных отношений в Сибири. По его мнению, на сегодняшний день редко кто из сибреведов прямо ставит вопрос о характере присоединения Сибири к России, так как это создает определенные трудности, когда пытаешься обозначить, какой же позиции придерживается тот или иной автор. Тем не менее, исследователь показал состояние современной российской историографии по вопросу о характере присоединения и выделил при этом три группы трудов, поддерживающих основные положения и концепции.

1. Мирное присоединение народов Сибири. В этих работах по-прежнему старательно умалчиваются факты вооруженных столкновений и сопротивления сибирских народов, походы русских

казаков «встречь солнцу» преподносятся как исключительно «великие географические открытия», а сами казаки как бескорыстные землепроходцы, «рыцари без страха и упрека». Сложные отношения с южносибирскими кочевниками трактуются однозначно: как оборонительные со стороны России и агрессивные со стороны кочевников. Подобные взгляды нашли отражение и в появившейся в последние годы учебной литературе для средних школ.

2. Компромиссная позиция, последователи которой считают, что «присоединение» происходило как мирным, так и военным путем.

3. Процесс присоединения Сибири к России оценивается как завоевание, поскольку носил преимущественно военный характер и сопровождался вооруженной борьбой казаков с сибирским населением. К этой концепции присоединяется Ю.С. Зуев, высказываясь о необходимости избавления от «русскоцентристского» подхода к проблеме присоединения Сибири и призывая взглянуть на это дело глазами не только русских казаков, но и сибирских аборигенов [1].

Российские авторы соглашаются в одном, что Сибирское ханство не ограничивалось временем правления Кучума, до этого было Тюменское, Ишимское, Иртышское ханства. Шибаниды приходят к власти на этой территории еще во времена Батухана, на что есть в сведениях Абулгази. Поход Ермака в большей мере все еще рассматривается как предприятие, организованное Строгановыми, носящее, в первую очередь, оборонительный характер.

Военный аспект завоевания Сибирского ханства исследовал Ю.С. Худяков [2]. Описывая военные силы сибирских татар, Ю.С. Худяков выделяет особенности военной организации воинов Кучума, её маневренность, присущую кочевым воинам. Автор отмечает, что у воинов-кочевников наступательные возможности преобладали над оборонительными, именно поэтому армия Кучума не могла одержать победу над малочисленным отрядом Ермака. В работе использованы не совсем достоверные сведения, например, наличие у сибирских воинов двух пушек. Автор, скорее всего, пытался акцентировать внимание на масштабности военных действий. Ю.С.Худяков указывает на то, что Ермак воевал в Ливонской войне, не приводя при этом никаких доводов, а ведь этот вопрос очень спорный. В статье, в основном, все суждения поверхностны, и примеры ограничиваются ссылкой на общекочевую тактику ведения войны.

Отмечая боеспособность сибирских воинов, автор, на наш взгляд, упускает сведения Р.Г. Скрынникова, который пишет о том, что в первых боях отсутствовала гвардия Кучума, совершившая набеги на северо-восток Руси.

В.В. Похлебкин [3], в отличие от Ю. Худякова, приводит данные о том, что в той последней, решающей битве с Кучумом за Сибирское ханство с русской стороны участвовало всего лишь 404 человека, а со стороны Кучума- не более 500 человек, не имевших никакого огнестрельного оружия.

В. Софронов пытается исследовать неизвестное прошлое Ермака [4]. Надо отметить, что суждения автора не совсем обоснованы и носят в большей мере предположительный характер. Например, он считает, что атаман Ермак был потомком правителей Сибири, однако его доводы на этот счет ограничиваются только косвенными фактами. Главный довод автор усматривает в том, что, якобы, чувствуя себя виновным, Кучум боялся встретиться лицом к лицу с Ермаком и после гибели второго не посмел войти в Искер. Неверное и суждение автора, считавшего Кучума чужаком для местного населения Западной Сибири.

На наш взгляд, следует обратиться к работе П.А. Словцова, который на основе источников доказывает, что по своему происхождению Кучум не был чужаком. Перевод имени сибирского хана как «пришелец», «переселенец», «степняк» также неверно, потому что это имя хана, а не прозвище. Такой метод более применителен к беглым казакам, имевшим вместо имен прозвища подобно Ермаку, Никите Пану и т.д.

Ошибочно утверждение автора и о том, что местное население не поднялось на борьбу с русскими отрядами вследствие того, как пишет В. Сафонов, «во главе их шел один из родственников сибирских князей, пусть и принявший православную веру, но свой по крови». На наш взгляд, учений, отбрасывая факты источников, уделил внимание косвенным данным и предположениям.

Аналогично рассматривал борьбу потомков Кучума Е. Вершинин [5]. Он утверждал, что они не имели поддержки со стороны местного населения. На самом деле народы Западной Сибири не раз выступали против войск русского правительства самостоятельно и под руководством потомков Кучум-хана (Али, Есима, Аблай-Керея, Даулет-Керея). Об этих событиях довольно подробно пишет в своей книге Г.Ф. Миллер [6, сс.97-98, 102, 381-384, 394].

С позиции концепции евразийства рассматривала завоевательную политику России на востоке О.В. Бураева [7, с.177-118]. Она видела в движении России на восток естественный процесс формирования многонационального государства, а вновь присоединенные области Сибири не считает колониально вассальными. Они втягивались в единую государственную народнохозяйственную систему.

С.В. Москаленко и С.Г. Скоболев рассматривали потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий с русскими войсками [8] и приходят к выводу о том, что при завоевании Сибири с XV по XX вв. погибло около семи процентов мужского населения Сибири. Наибольшие потери понесли сибирские татары в конце XVI – начале XVII в.

Среди современных работ следует выделить исследования татарских историков. Татарские историки активно исследуют круг вопросов по истории Западной Сибири. Основными их выводами стало положение о том, что Сибирское ханство являлось прямым политическим наследником Тюменского ханства при непосредственном участии сибирских татар в процессе образования единой татарской нации. Основные трактовки, рассматривающие историю сибирских татар как часть истории татарского народа в целом, отражены в работах Д.М. Исхакова, Г.Л. Файзрахманова и др. В их трудах свое развитие получили проблемы формирования государств Западной Сибири, их этнического, политического, экономического и социального строя.

Международное положение и политическая судьба тюрко-татарских этнополитических образований, возникших на постзолотоордынском пространстве, также обсуждаются в работах современных авторов. Еще одним важным аспектом являются вопросы государственной культуры, религиозной ситуации и летописания в указанных государствах [9, 10, 11].

Особую актуальность приобретает изучение проникновения ислама на территорию Сибири. Известно, что первые отрывочные сведения о верованиях предков сибирских татар анализировались еще в трудах Г.Ф. Миллера, Н.М. Карамзина, П.И. Небольсина, Х. Атласи и др., однако только в конце 1980-х годов эта проблема стала предметом специального изучения. Наиболее существенный вклад в ее исследование внесли И.В. Белич, Ф.Т. Валеев, В.И. Соболев, В.Ю. Софронов и др. Ими было установлено, что у тюркоязычного населения Сибирских ханств и княжеств существовали реликты анимизма, тотемизма, фетишизма, шаманизма и элементов магии, различные культуры (мертвых, высоких мест, домашних покровителей, промысловый и др.). Ряд исследователей зафиксировали свидетельства предшествовавшего исламу тенгрианства (Ф.Т. Валеев, Р.Х. Рахимов, Г.Л. Файзрахманов и др.) и манихейства (Л.Р. Кызласов) [12, 13].

Центральное место в работах специалистов занимает проблема исламизации населения государственных образований шибанидов и тайбугидов: причины, характер и хронология данного процесса. Большинство исследователей связывают распространение новой религии с завершающей fazой государствообразования и преодоления межплеменной розни.

Расходясь в определении хронологических рамок начального этапа исламизации предков сибирских татар (предлагаются даты от VIII до XVI столетия), исследователи единодушно считают, что следующий этап распространения мусульманства в регионе приходится на время правления Кучума, когда этот процесс приобрел необратимый характер.

В работах историков признается элитарный (религия ханской семьи и знати) и неравномерный характер (укоренялся в основном в центральных районах) распространения ислама в регионе.

Одновременно констатируется многообразие распространяемых мусульманских учений, влияние суфизма и культа астана в укреплении позиций ислама.

Д.М. Исхаков, А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, И.В. Белич и др. указывали на одну из важных проблем в изучении процесса исламизации – взаимодействие ислама и традиционных верований, формирование мусульманскоязыческого синкретизма, что позволяет более полно охарактеризовать религиозные верования предков сибирских татар.

Таким образом, российские историки пытались исследовать различные аспекты истории Сибирского ханства.

По мнению ведущего татарского исследователя истории Сибирского ханства Д. Исхакова к общим подходам, имеющим концептуальный характер, который необходимо обозначить, относятся следующие моменты [11]:

1. В первую очередь отношения между тюрко-татарскими государствами XV-XVI вв. строились на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых являлись: правле-

ние в большинстве из них представителей дома Чингисидов; общность ведущих феодальных кланов и сохранение за ними права перемещения со своими дружинами из *одного татарского юрта* в другой в границах бывшего золотоордынского политического пространства; существование родственных связей между разными ветвями высших мусульманских должностных лиц, возглавлявших духовенство отдельных государств; сохраняющаяся этнокультурная близость между локальными тюрко-татарами сообществами, в том числе и благодаря единству их правящей страты.

2. По мнению Д. Исхакова, наиболее интенсивные контакты в XV–XVI вв. были характерны для трех западных ханств – Крымского, Касимовского и Казанского. Это объясняется не только близкородственными отношениями их правителей, но и идентичностью правящих феодальных кланов – в них везде основные княжеские «дома» представляли Ширины, Барыны, Аргыны и Кыпчаки. В эту систему княжеств – юртов, получивших в научной литературе определение «системы карача-беев», была вписана и соседствовавшая с ними с конца XV в. Ногайская Орда, ранее, возможно, и Большая Орда. Что касается первой из них, то ее интеграция в общую систему политического взаимодействия наследников Улуса Джучи осуществлялась через мангытские юрты, существовавшие практически во всех позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах, а также через собственные кланы, в определенной мере совпадавшие с перечнем феодальных домов ряда ханств: в Ногайской Орде, например, фиксируются племена кыпчак, барын, возможно, и аргын. Перемещения феодальных групп между тюрко-татарскими государствами в рамках отмеченной выше системы карача-беев прекрасно описаны в кыпчакоязычном эпосе «Чора батыр». Следует заметить, что правом перехода из одного позднезолотоордынского этнополитического объединения в другое обладали только представители феодальных верхов – собственно «татары», тогда как крестьянское население – чернь, не могло покинуть территорию своего проживания. Поэтому именно потомки золотоордынских татар с клановым делением во главе с представителями домов карача-беев и обеспечивали в XV–XVI вв. взаимные связи тюрко-татарских государств. Судя по отрывочным сведениям, аналогичные переходы между тюрко-татарскими сообществами были характерны и для возводивших свои генеалогии к пророку Мухаммету представителей высших мусульманских иерархов – сеидов.

3. Д. Исхаков полагает, что несмотря на существование между татарскими обществами XV–XVI вв. определенных региональных различий по составу ведущих феодальных кланов, не исключено, что связанных с бытым делением Улуса Джучи на Ак Орду и Кок Орду, правящая strata в них, безусловно, восходила к военно-феодальному «татарскому» сословию времен Золотой Орды. Скажем, в сочинении «Чингиз-наме» историка XVI в. Утемиша-хаджи содержится сообщение о том, что «Ширин, Барин, Аргун (и) Кыпчак были давними, со времен предков, элями Тохтамыш – оглана», т.е. хана Тохтамыша (правление в 1375–78, 1379–1397, год смерти 1406). Заслуживает внимания и то, что у этого общего для государств – наследников Золотой Орды собственно татарского этнополитического слоя до начала XVI в. продолжало существовать материнское ядро в лице Большой Орды. После ее распада около 1504 г. функцию общетатарского центра пытались выполнять попеременно Крымское ханство и Ногайская Орда.

4. Исламский характер тюрко-татарских сообществ XV–XVI вв. не вызывает у Д. Исхакова сомнений. Тем более, что многие институциональные аспекты функционирования в их рамках ислама как государственной религии к настоящему времени были достаточно полно раскрыты в отдельных исследованиях. Недостаточно изученной остается и в целом культурная жизнь тюрко-татарских обществ XV–XVI вв. Поэтому, в некоторых исследованиях последнего времени обозначился крен в сторону преуменьшения роли ислама в отдельных позднезолотоордынских татарских государствах. Для преодоления обозначившегося противоречия (с одной стороны – мусульманские сообщества, а с другой – явные следы язычества) необходимы новые концептуальные подходы.

Известно, что за последние десять лет количество работ, посвященных истории Сибирского ханства и позднесредневековых сибирских государств, заметно возросло в современной российской историографии. Как отмечают сибирские историки, в учебной и популярной литературе сохраняется ситуация, когда все сведения о ранних государствах Западной Сибири ограничиваются обычно периодом правления хана Кучума и похода дружин Ермака. На этом фоне возникла гипотеза, отрицающая само существование государства за Уральским хребтом. Однако подобные умозаключения противоречат всем существующим письменным известиям, археологическим и этнографическим материалам.

В целом следует отметить, общие положения, которые возникают в современной российской историографии по вопросам завоевания Сибирского ханства: 1) находит поддержку тезис, который утверждает, что изучение государств, сформировавшихся на обломках улуса Джучи, необходимо проводить в неразрывной взаимосвязи друг с другом; 2) при освещении ранней истории Западной Сибири перед исследователями встаёт необходимость комплексного изучения максимально доступных источников как западноевропейских и русских, так и восточных.

В целом вот такие взгляды были сформированы современными российскими авторами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии.: http://zaimka.ru/to_sun/zuev1.shtml
- 2 Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.
- 3 Погребин В.В. Татары и Русь. 360 лет отнюдь не в 1238-1598 гг. М., 2000. – 300 с.
- 4 Софронов В. Кто же ты, Ермак Аленин?: <http://zaimka.ru/person/ermak.shtml>
- 5 Вершинин Е. Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке. // Родина. – 1998. – №1.
- 6 Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.-Л.: АН СССР, 1941. – Т.2. – 630 с.
- 7 Бураева О.В. Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. // Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – Вып. 1. – С. 117 – 118.
- 8 Москаленко С.В., Скоболев С.Г. Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI-XX вв. – Новосибирск, 1998. – 145 с.
- 9 Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1983. – 500 с.
- 10 Исхаков Д.М. Тюркско-татарские государства XV-XV вв. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2004. – 132 с.
- 11 Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. – 196 с.
- 12 Кызласов Л. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – 256 с.
- 13 Кызласов Л. Очерки истории Сибири и Центральной Азии. – Красноводск. 1992. – 304 с.

Резюме

Мұрат Қуандық Мұратұлы

Ресей тарихнамасында Сібір хандығы тарихының кейір мәселелеріне (1980 – 1990 жж.)

Сібір хандығы тарихын зерттеуде ресейлік тарихнамада 1980–1990 жылдарда туындаған кейір мәселелерге байланысты сауалдар қарастырылады.

Summary

Murat Kuandyk

Some questions in Russian historiography of the Siberian khanate's

In this article are considered the questions which connected with some problems of researching of the Siberian khanate's history in Russian historiography in 1980–1990.